

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столяров Ю. Н. Онтологические и мнемонические смыслы понятия «информация» // Науч. и техн. б-ки. 2002. № 3.
2. Гамаонов В. Г. Реляционно-функциональная концепция информации и ее приложения // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1997. № 8.
3. Сергиевский В. В. Информационная модель науки // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1993. № 3.
4. Шапиро Э. Л. Развитие информационной среды и экология культуры // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1988. № 1.
5. Шрейдер Ю. А. Информация и культура // Науч. -техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1991. № 8.
6. Споране Б. Личность в информационном обществе // Науч. и техн. б-ки. 2002. № 10.
7. Шемакин Ю. И. Самоорганизация и управление // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 2003. № 5.
8. Яцко В. А. Лингвистические аспекты предмета информатики // Науч.-техн. информ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 1996. № 2.
9. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М., 1991.
10. Мотульский Р. С. Механизм формирования и распространения нооинформации // Науч. и техн. б-ки. 2000. № 10.
11. Ким В. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты // Философ. образование. 1998. Вып. 4.
12. Леонтьева Н. Н. О содержании информации: (Как измерить расстояние между словом и делом?) // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1999. № 8.
13. Семенюк Э. П. Информатика и социально-гуманитарное знание // Науч.-техн. информ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 2002. № 1.
14. Рузимская Е. М. Некоторые замечания по поводу природы ИПЯ // Науч. и техн. б-ки. 1993. № 1.

Светлана Юрьевна ИВАНОВА —
докторант кафедры социальной
философии и этнологии
Ставропольского государственного
университета,
кандидат философских наук, доцент

УДК 316.6

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме формирования российской идентичности в контексте проходящих в России модернизационных процессов. В ней анализируются историко-культурные основания новой российской идентичности. Автор выделяет следующие группы: первую, сохраняющую идентичность «советский человек», вторую, обретшую новую социальную идентичность — «россияне»; третью, имеющую переходную идентичность.

The author endeavors to study the issues of national identity of the Russian Federation population in the context of undergoing social and cultural processes, and arrives at the conclusion that according to this point of view people of Russia can be classified into three groups: (1) group preserving the social identity of the «Soviet People», (2) group that have acquired a new social identity of «Modern Russians», (3) groups of «transitive» social identity.

Ускорение динамики социальной дифференциации объективно привело к возникновению целого спектра новых статусных позиций и, следовательно, соответствующей идентичности. Ликвидация монополярной коммунистической идеологии способствовала, с одной стороны, определенной ценностно-нормативной дезориентации, а с другой — возможности появления в идентификационном пространстве ранее не известных значений, ценностей, норм, образующих плюрализм социально-культурных форм. Кризисное состояние, в котором оказалась преобладающая часть российского населения, выражающееся в неосвоенности новых образцов хозяйственного поведения, адекватных формирующимся социальным институтам, в несформированности устойчивой социальной идентичности, является объективной характеристикой переходного периода развития российского общества. Поэтому применительно к нему можно говорить о наличии переходного типа социальной идентичности, с одной стороны, совмещающей черты современного типа и традиционалистские ценности и установки, а с другой — «двойную» идентичность: «советский человек» и «россиянин».

Российская макроидентичность находится в процессе структуризации. Однако из-за отсутствия точных формулировок целей социального развития, несложившейся иерархии престижа новых ценностей и идеалов можно говорить о нечеткости, аморфности этой идентичности. Кризисный характер макроидентичности предполагает, что наряду с негативными социальными процессами, характеризующими современное состояние российского идентификационного пространства, в обществе складываются тенденции, свидетельствующие об определенном развитии этого пространства, обогащении его новыми содержательными основаниями, т. е. происходит не только трансформация общества, но и реконструкция социальной идентичности.

Социальная идентичность — одна из значимых составляющих антропологического анализа. Она становится более актуальной в России в связи с различными трансформациями, изменившими не только внешний каркас социальных отношений, но и внутренний мир человека. Реализация его базовых ценностей осуществляется через отождествление индивида с реальным или воображаемым человеческим сообществом, а также через процесс усвоения социальных ролей, стандартов поведения, основанный на их воспроизведении или копировании.

Современные модернизационные процессы в России прослеживаются в трехуровневой модели социальной идентичности: макроидентичность нашего общества имеет две модификации: национально-государственная и цивилизационная; мезоидентичность (социально-групповая) показывает принадлежность индивидов к определенным общностям и социальным группам внутри данного общества; микроидентичность позволяет увидеть отдельного индивида в неповторимой уникальности отношений с обществом. Для эффективного развития модернизационных процессов необходимо органичное взаимодействие всех уровней идентичности. Однако сегодня мы имеем дело с кризисом идентичности на всех трех уровнях.

Тем не менее, есть основания полагать, что между всеми формирующимися группами в современной России есть «перекрестные идентичности», т. е. нечто общее, что позволяет говорить о наличии некой интегративной, социокультурной, мировоззренческо-деятельностной рамки, которая может стать основой для консолидации российского общества.

Термин «идентичность» широко вошел в словарь гуманитарных наук и в междисциплинарные исследования с конца 70-х гг. XX века благодаря исследованиям Э. Эриксона [1]. Особую актуальность в российской науке он приобрел в 90-е гг. в контексте проблемы этнической идентичности. В современной России эта проблема носит особо острый характер в связи с тем, что касается не только и не столько процесса социализации личности и самоопределения индивида, сколько процесса

социальной трансформации и постсоветских политических реалий. Выяснение идентичности носит не личный и культурологический, а социальный и политологический характер. Поиски идентичности выходят за рамки личного дела гражданина, чаще всего становятся «общим делом» политических элит, служат средством мобилизации масс и манипуляции ими. Важно учитывать также, что идентичность личности не бывает статичной, она находится в постоянном движении, на разных этапах индивидуальной биографии в ней могут преобладать разные компоненты; она всегда результат и продукт определенных обстоятельств. Динамизм самоидентификации есть первая объективная трудность в анализе категории идентичности. Коллективные культурные идентичности к тому же множественны по природе, они взаимопроницаемы и накладываются одна на другую: этнические, региональные, религиозные, половые и классовые самоопределения в конкретных ситуациях могут быть нерасторжимо связаны.

Нельзя забывать, что термин «идентичность» переводной, заимствованный. При переводе возникает ситуация многозначности термина. То, что произошло от лат. *identicus* — тождественный, одинаковый, получило много смыслов.

Во-первых, можно понимать идентичность как тождественность. В этом смысле речь может идти только об индивидуальной идентичности. То есть индивид тождественен самому себе. Он — подлинный, настоящий, имеющий уникальное и целостное Я. Вопрос об индивидуальной идентичности возникает в детском возрасте как вопрос о причине «откуда я появился?». С детства сомнений в подлинности я, в тождественности самому себе не возникает.

Во-вторых, идентичность понимается как подлинность. В этом случае, например, этническая идентичность индивида определяется «по крови». Подлинность устанавливается в прагматических утилитарных целях. В политическом отношении это связано с практикой создания государств на моноэтнической основе, с отождествлением этноса и нации, с разделением этносов на титульные и нетитульные, с этнической дискриминацией в различных ее формах.

В-третьих, можно выделить понимание идентичности как принадлежности, именно этим пониманием будем пользоваться при раскрытии заявленной проблемы. Тогда идентичность означает принадлежность индивида к какой-либо общности людей: это может быть принадлежность к полу, возрастной, профессиональной и проч. группам. Гражданская идентичность в этом смысле означает субъективный выбор самого индивида, причисление самого себя к некоему целому. Индивид не зависим от формального приписывания его к общности, он осуществляет свой свободный выбор. Делая свой субъективный выбор, не лишенный объективных оснований, он исходит из представлений о своей стране, своем государстве как исторически устоявшейся общности людей. В основе этих представлений обнаруживается методологический принцип целостности, сформулированный Я. Смэтсом, согласно которому «целое больше, чем сумма его частей»; целое ценнее, чем любая из его частей.

Гражданская идентичность — это род социальной идентичности, в основе которой лежит идентификация с обществом, государством и страной. Она выступает как комплексная статусно-идентификационная база для формирования массовых социальных практик, конституирующих и воспроизводящих данное общество как самостоятельную и специфическую социокультурную систему.

Гражданская идентичность служит социальной интеграции на базе общих терминальных и инструментальных ценностей (в том числе через такие ценностные комплексы, как Родина, государство, страна), объективируется через отождествление индивидов с определенными позициями в социокультурном пространстве и фиксируется через социальные практики в конкретных полях идентификации. Базовыми выступают культурное, экономическое и политическое поля.

Культурное поле задает ценностно-нормативную структуру гражданской идентичности и выступает конституирующим по отношению к другим полям, играя роль своего рода матрицы, в пределах которой происходит конструирование социальной реальности. В случае резкого отклонения от этой матрицы неизбежен кризис. Уверенность индивида в позитивности и ценности реалий окружающей его жизни, его патриотические убеждения способствуют формированию его позитивной идентичности. В немалой степени этому формированию способствует также обращение к российской истории, к тем ценностям и символам, которые лежат в основе российской цивилизации.

В социально-экономическом поле объективация гражданской идентичности прослеживается через отношение и ориентацию на способ организации экономической жизни общества и систему соответствующих объективных и субъективных социальных диспозиций и соответствующих моделей поведения.

В политическом поле гражданская идентичность реализуется через отношение к политической структуре общества, институтам власти, политическим организациям и лидерам, а также через политическое поведение и идеологические ориентации.

Гражданская идентичность российского общества несет в себе вероятность социальной дисфункции и деструкции, поскольку во многом строится на негативных проекциях во всех базовых полях идентификации. Продолжается процесс внутренней эмиграции в пространство частной жизни, субкультурные анклавы. Иерархия идентификаций в определенной мере переворачивается, и доминирующими выступают не глобальные (Родина, страна, государство, Отечество), а локальные уровни идентичности (малая группа, субкультура, религия, национальность).

Однако есть основания утверждать, что кризис гражданской идентичности, активно проявившийся с конца 1980-х—начала 1990-х гг., связанный с распадом Советского Союза и разрушением привычной гражданской идентичности, постепенно преодолевается. Происходит конвергенция традиционных консервативных ценностей российской культуры и новаций, привнесенных реформированием общества и его открытостью для других культур. И основанием формирования новой идентичности выступает патриотизм.

Однако адаптация к складывающимся социально-экономическим условиям протекает неравномерно. «Достигнутая» идентичность как показатель социально-психологической адаптации характерна для достаточно ограниченного слоя населения. Другая часть пассивно ожидает улучшения своего положения, а третья активно не приемлет новых условий социальной среды. Таким образом, в процессе социальной трансформации формируются группы, которые по-разному адаптируются к действительности, постоянно сравнивая события по исторической оси: прошлое — настоящее — будущее. Идентичность в такой ситуации носит кризисный характер, ее основания противоречивы, а цели разнонаправлены. Прошлое, например, начинает привлекаться различными социальными силами либо для сопоставления с настоящим, либо для его оправдания, либо, наоборот, для вынесения ему приговора.

Исходя из этого, всю совокупность россиян можно предварительно разделить на три условные группы: 1) группа, сохраняющая идентичность «советский человек», ориентирована на прошлое и черпает в нем позитивные социальные чувства; 2) группа, обретшая новую социальную идентичность — «россияне», не видящая для себя в прежней идентичности и в «советском» прошлом никаких значимых ценностных привязанностей; более того, можно сказать, что представители этой группы ориентированы также на социальную идентичность «европеец»; 3) группа, имеющая переходную идентичность, для которой важна живая связь прошлого и настоящего, возможность реализоваться в нем, однако устремления этой группы связаны с будущим России.

В массовом сознании россиян происходит своего рода перелом в пользу примирения с произошедшими изменениями. Об этом говорит тот факт, что 53,1% «чувствуют себя гражданами России», 15,5% — «гражданами СССР», кроме того, заметно сократилось число людей, не определившихся в своем мироощущении, избирающих позицию: «сам не знаю кем» [4].

Можно высказать предположение, что отношение к модернизации у этих трех групп различно: для идентифицирующих себя с прошлым характерна растерянность, безнадежность, тоска по прежним порядкам; для ориентированных на будущее — надежда на преодоление различных проблем; для ориентированных на сегодняшний день — вера в собственные силы. Если говорить об устойчивом чувстве общности, то решающую роль в жизни россиян играет самоидентификация себя с семьей и друзьями. С ними чаще всего идентифицирует себя три четверти россиян, что представляется вполне нормальным состоянием, так как при любом кризисе глобальных общностей именно группы непосредственного общения выступают той нишей, куда человек стремится уйти, чтобы избежать общественных потрясений.

Второй по значимости ряд образуют такие общности, с которыми отождествляет себя не менее половины россиян (50–53%). Одна из них — товарищи по работе, учебе — носит вполне предметный характер, а другие — люди того же поколения, той же профессии — относятся к абстрактно-символическим типам идентификаций [3].

Современные россияне включены в систему очень сложных социальных ролей и связей, относительная важность которых для них далеко не одинакова. Для большинства населения неважны макротерриториальные или гражданские общности — люди планеты, граждане России, советский народ. При этом для россиян очень важны общности, отражающие духовную близость во всем ее многообразии — люди тех же религиозных взглядов, той же этнической принадлежности. Национально-этнический фактор оказывается в системе идентификаций гораздо важнее, чем гражданский, гражданами России ощущает себя почти вдвое меньшее число респондентов, чем людьми определенной национальности [4].

Итак, в настоящее время мы переживаем очередной этап процесса, начавшегося задолго до распада СССР. Этот этап реконструкции социальной идентичности является очередным звеном в цепи общественных трансформаций и затрагивает не только экономическую сферу, но и глубинные социокультурные пласты, детерминирующие способы национально-государственной идентичности россиян. Характерными его чертами являются радикальные институциональные изменения, связанные с созданием рыночных структур и укреплением гражданского общества. Вместе с тем формируется новая социальная идентичность — «человек рынка».

Процесс внутреннего самоопределения россиян, выход из идейно-мировоззренческого вакуума и адаптация к реалиям нового общества близок к завершению. На смену утраченным идентификациям приходят общности, характерные для индустриальных стран с рыночной экономикой. Уверенность индивида в позитивности и ценности реалий окружающей его жизни, его патриотические убеждения способствуют формированию его позитивной идентичности. В немалой степени этому формированию способствует также обращение к российской истории, к тем ценностям и символам, которые лежат в основе российской цивилизации.

Россия, как известно, лежит между двух основных потоков цивилизационно-исторического существования — Востоком и Западом. В теоретическом самосознании зафиксированы самые различные взгляды на этот счет. Обозначим их: 1) идея исключительности России в мировой истории и культуре; 2) идея России как Востока; 3) идея России как Запада; 4) идея России как особой славянской цивилиза-

ции; 5) идея России как Евразии, отличной и от Востока, и от Запада; 6) идея русской специфики, выражающейся в сочетании восточных и западных характеристик или в колебании между Западом и Востоком; 7) идея русской самобытности в рамках христианского мира; 8) идея византизма России; 9) идея России как «третьей силы» и в этом качестве — как синтеза Востока и Запада.

Таким образом, определение цивилизационной идентичности существенно для России, именно через цивилизацию национальная жизнь соотносит себя с общечеловеческим. Но какая цивилизация является родовой для России? В. Межуев отмечает, что Россия — европейская страна, у нее общие с Западной Европой корни. Другие исследователи подчеркивают евразийскую специфику России, считают, что в роли «наднациональной» для России должна выступить «евразийская» цивилизация, которая несет в себе общечеловеческое начало. Поиск российской идентичности, таким образом, предполагает исследование конкретно-исторических форм бытия общечеловеческого.

Н. В. Гоголь уподоблял русских растопленному металлу, не отлитому еще в национальную форму. Здесь речь идет не о сформированности или несформированности русского характера по сравнению с характерами других европейских народов, но об ином, неевропейском способе его формирования. И, в свете этого, не связаны ли между собой пресловутая «загадка» русской души и странности развития России? И если особенности исторического развития России сопряжены с загадкой русской души, с ее специфическими чертами, то каковы эти черты?

Эти вопросы особенно важны в современной ситуации, когда Россия пытается войти в мировое сообщество на новых условиях — условиях подключения к единой мировой цивилизации. Чтобы не раствориться в ней полностью, необходимо знать, чем можно поступиться своим и что чужое можно принять в качестве своего. В противном случае возрастает риск этнического самоубийства. Без учета собственных особенностей нельзя с выгодой и долговременным эффектом пользоваться чужим опытом в проведении внутренней политики. И наконец, осознание собственных особенностей необходимо для прояснения и формирования адекватного национального самосознания, для складывания национального характера.

Сами россияне следующим образом определяют свой «цивилизационный вектор»: 17% считают, что Россия ближе к Востоку, чем к Западу, а 35% не согласны с этим, 35–40% затрудняются в определении своего мнения по данному вопросу [6].

Фактически это многообразие определения российской идентичности сводится к двум позициям: можно ли говорить о принадлежности России к западной либо восточной цивилизации или она представляет собой особый тип развития? Постановка данной проблемы возвращает нас на два столетия назад, когда в отечественном общественном сознании и началась дискуссия на эту тему.

Восток и Запад — понятия, органически вошедшие в русскую духовную традицию. Первоначальное их выделение связано с разделением Римской империи на восточную и западную части. В средние века для народов Европы Востоком стали страны Азии, населенные арабами, монголами, иранцами, китайцами и т. д., а также страны, находящиеся под властью турок. Кроме того, на Западе Востоком считали также и страны Восточной Европы, не входившие в политический ареал Римской империи.

Россия, расположенная на границе Европы и Азии, вынуждена была с самого начала выявлять свою специфику через отношение Востока и Запада, поэтому эта тема была сквозной для национального самосознания. Уже в «Повести временных лет» речь идет, по сути, о единстве всемирно-исторического процесса, в котором равноправными выглядят восточные и западные, в том числе славянские, народы. Право русских на равное положение с другими народами обосновывается тем, что

все люди — дети Авраама и Ноя, и когда дети Ноя стали делить землю, то русские и славяне произошли от Иафета — прародителя северных и западных народов. Тем самым славяне, или славяно-росы, обозначаемые как «исторический» народ, вводились в семью европейских народов.

Рассмотрим, какие компоненты вошли в российский менталитет из язычества. Славяне делили мир на «добрый» и «злой» и населяли его добрыми и злыми силами, помогавшими человеку или мешавшими ему в достижении целей. Подобно тому, как понятия «добро» и «зло» образуют двойную систему ценностей, так же соотносятся у древних славян все основные представления о мире. Ссылаясь на мнение М. В. Попович, можно сказать, что если современная картина мира является логической, рациональной, отыскивающей диалектические связи, то картина мира для наших предков была нравственной, этической, связывающей все с понятиями добра и зла.

Очень подробно иерархию ценностей древних рассматривает специалист по древнерусской истории Б. А. Рыбаков в работе «Язычество Древней Руси». В основе ценностной системы восточных славян, считает он, лежало понятие судьбы. С ним связывалось представление о счастье (доле) и несчастье (недоле), победе и поражении, достатке и недостатке. Характерно, что в понимании судьбы как доли отразились коллективистские, общинные взгляды славян, воспринимавших свою индивидуальную судьбу как часть общей судьбы рода, племени. В отличие от древних греков, веривших в предопределенность судьбы, славяне считали, что вопрос о судьбе можно перерешить, умилоустивить богов.

Для древнего общества восточных славян был характерен внешний контроль за поведением человека, поэтому каждому важно было точно знать, как можно поступать и как нельзя. Нечеткие, допускающие двойное толкование нормы поведения только дезориентировали людей.

Священное значение придавалось делению общества на верхи и низы, положению вождя (царя) на вершине социальной лестницы. Кроме ряда «вверх-вниз» существовал ряд «право-лево», «правда-кривда», определяя, насколько деятельность человека соответствует архаическим, общинным представлениям о справедливости. Сочетание общественного положения «наверху» с «неправдой» поведения воспринималось как кричащее противоречие, нарушение мирового порядка, требующее вмешательства общества.

Очень значительной была идентификация со своими и чужими. Наиболее остро это противопоставление проявлялось в отделении единоплеменника и захватчика (кочевника, «поганого»), что впоследствии было осмыслено как другая противоположность: христианин — нехристь. Следует отметить, что под «своими» с самого начала имелась видимость общности по вере и посвящение в тайны родового культа. Чужой выступал как не-человек. Неспособность говорить на чужом языке рассматривалась как немота («немец»). По языческому обряду чужеземцев на Руси хоронили как умерших не своей смертью.

Наконец, очень важной для славян была идентификация с родом, выраженная в дихотомии старший — младший, предок — потомок. Старший в роду являлся носителем мудрости, от его знаний зависело благосостояние всех. Авторитет старости поднимало наличие у славян культа предков (культа дедов) как заступников перед стихийными силами природы. Однако высоко ценились сила и энергия молодости.

В круг коллективистских, родовых и семейных ценностей в России включалась и высшая власть. Царь и князь были не только властителями, но и отцами. Отсюда в народном сознании существовало представление об отеческом отношении царя к народу. Царь-батюшка был воплощением правды и лада в обществе,

охраняющем эти высшие ценности. Страна представляла собой как бы большую семью, в которой господствовали языческие идеалы смирения, дружелюбия, откровенности, совестливости, милосердия.

Как видим, архаическому сознанию русских было свойственно резкое противопоставление ценности и антиценности, в отличие от индийской культуры, где доминирует компромисс ценностей, их первичная неразделенность. Отсюда важнейшая черта русского характера — пытаться осуществить невозможное. В случае неудачи таких попыток следует апатия, нежелание вообще делать что-либо. Такая полярная ориентированность на бурную активность, а затем полный покой соответствует, по мнению многих ученых, географическим условиям России, кратковременности сельскохозяйственных работ и долгому периоду зимы [7]. Другими словами, ценностная система закрепляла нормы поведения, отвечающие задаче приспособления к естественной среде.

Таким образом, в русской культуре, а следовательно, в менталитете существовали как бы две системы ценностных ориентаций. Одна из них была построена на противоречиях и указывала человеку путь от зла к добру. Другая стремилась к устранению этих противоречий. Она создавала образ идеальных отношений для русского общества: тепло семьи, справедливость власти, возвеличивание родной земли, готовность к ее защите. Однако в языческий период эта система ценностей только зарождалась. Для его формирования необходимо было ощущение национального самосознания, которое стало возможным только с обретением государственности и христианства.

Особенностью истории России было и то, что традиционная культура сложилась здесь позднее, чем в Западной Европе. Она была ориентирована: не на будущее, а на прошлое; не на удовлетворение растущих потребностей и интересов людей, а на незыблемые ценности, соответствие деятельности установленным образцам; не на логику доказательств, а на веру и подражание; не на личность и внутренний контроль поведения, а на коллектив и внешний контроль поведения.

Традиционная культура находилась в большой гармонии с окружающей природной средой и человеком. Она не требовала преобразования природы и перенапряжения сил индивида. В те времена человек чувствовал себя гораздо уютнее и более защищенно, чем в современном обществе.

В заключение отметим, что каждая общественная система должна решать задачу формирования субъектов, обладающих чувством патриотизма, верой в разумность общества, готовностью исполнять социально значимые роли, решимостью отстаивать общественные идеалы и ценности. Когда государство внедряется в сферу сознания отдельных личностей с новой системой ценностей, это вызывает отрицательную реакцию. Поэтому важно вытеснить негативное отношение к этим ценностям, сохранить энергию национально-культурной традиции, питающей ментальные структуры, и использовать ее для реализации социально-значимых целей. На наш взгляд, отвращение к навязываемым общественным ценностям угрожает существованию общества не меньше, чем внешняя опасность.

Российский менталитет движим ценностями духовными, а не материальными, и в процессе цивилизационного взаимодействия были заимствованы социально-психологические качества других народов, что обусловило своеобразное решение россиянами цивилизационных проблем, таких как становление и развитие государственности, взаимоотношения общества и индивида, понимание природы демократизма и т. п.

И отдельный человек, и люди в целом меняются. Чтобы представить логику и смысл их действий, необходимо иметь в виду качественные характеристики их ментальности. Видимо, поэтому информацию об архетипических основах процес-

са личностной идентификации и структуре менталитета не только философы, но и политики рассматривают сегодня как обладающую огромной социально-управленческой ценностью.

Как известно, на протяжении всего, пока еще недолгого, периода существования Российской Федерации как независимого государства, политическое руководство страны предпринимало последовательные шаги по усилению общегражданского сознания. Это и настойчивое продвижение в политическую практику идентификационного термина «россияне», и блокирование попыток к умножению признаваемых государством этнических и этнокультурных групп (например, попыток конституировать в качестве особого «народа» казачество), и упразднение знаменитой 5-й графы в российском паспорте. Насколько же успешными оказались эти усилия?

В настоящее время можно уже считать, что понятие «россияне» в качестве идентификационного термина в целом получило общественное признание и перешло в разряд актуализированных, работающих политических понятий, причем не только на экспертном, но и на массовом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 14–27.
2. Гришина Е. А. Гражданская идентичность в постсоветской России. Тез. докл. и выступл. на II Всерос. социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 626–628.
3. Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 18.
4. Там же. С. 193.
5. Там же. С. 194.
6. Там же. С. 41.
7. См., например, Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 27–54.

Александр Михайлович НАЛЕТОВ —
заместитель главы администрации
Красноселькупского района
по социальным вопросам

УДК 008

ФЕНОМЕН БЫТА В КУЛЬТУРЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассказывается о сущности феномена быта, его исторической и генетической роли в формировании культуры. Рассматривается первоначальная, исходная форма быта, которая возникает на ранних этапах существования человечества и несет в себе ядро будущих более сложных культурных форм.

In this article we scrutinize the essence of such phenomenon as «everydayness», its historic and genetic role in culture and consider the primary form of «everydayness», or domesticity that emerges at the first stage of human existence and has in itself the germ of future cultural forms that are supposed to be more sophisticated.

Нельзя не усмотреть явной этимологической связанности между понятиями «быт» и «бытие», последнее из которых привязывается к конкретному субъекту в качестве его неотрывной акциденции при помощи «всепроницающего» глагола «быть». «Быт» в этом отношении отчасти представляет собой аналог «бытию», толь-